

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОВСЕДНЕВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТА И СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Т. В. Фаненштиль

Алтайский государственный технический университет
им. И. И. Ползунова, г. Барнаул, Россия

В работе исследованы особенности взаимодействия социальной реальности и субъекта на повседневном уровне в рамках социально-философского анализа. Сочетая в себе достижения социально-гуманитарного знания, социальная философия рассматривает «повседневность» в контексте взаимосвязи субъекта и социальной реальности. Выявление структур позволяет науке работать с содержанием повседневного опыта. А феноменологический подход дает возможность показать динамику производства повседневности. Автор данной работы осуществляет попытку синтезировать преимущества этих подходов к изучению повседневности, что позволяет выявить ее пограничный характер.

Ключевые слова: повседневность, социальная реальность, субъект, структуры повседневности, граница повседневности, пограничный характер повседневности.

TO THE QUESTION OF THISNESS OF DAILY COOPERATION BETWEEN SUBJECT AND SOCIAL REALITY

T. V. Fanenshtil

Altai state technical university, Barnaul, Russia

In this work the author studies the cooperation of a subject and social reality thisness on daily plane under socio-philosophical analysis. Social philosophy describes "daily routine" in the context of subject and social reality relation. Structure detecting allows science to deal with the content of daily experience. Phenomenological approach provides an opportunity of dynamics daily processing showing. The author of this article makes an attempt to synthesize advantages of either approach and detect frontier character of daily routine.

Keywords: daily routine, social reality, subject, srtructures of daily routine, frontier of daily routine, frontier character of daily routine.

Философские исследования понятия «повседневности» опираются на достижения исторической и социологической наук. Они буквально вырастают из самых глубин взаимоотношения социальной реальности и субъекта и также связаны с проблемой субъективного и объективного в социальных и гуманитарных науках; с проблемой роли и статуса субъекта как в пространстве жизненного мира, в глобальном контексте социальной действительности, так и в познавательном научном контексте. Отечественная исследовательница повседневности Н. Н. Козлова определяет ее как целостный социокультурный жизненный мир. Повседневность проблематизирует самого субъекта, его восприятие и его деятельность, что делает ее пограничным характер сравнимым с понятием витальности. Однако витальность ставит субъекта на границу жизни и смерти, повседневность же помещает его на

границу естественности, природности и социальности. И происходит это таким образом, что субъект в такой среде всегда должен ориентироваться не на первичность своей природы, а на первичность социальных требований вписать эту природную данность в социальную реальность. Эта необходимость касается и восприятия субъекта и его действий. Этот выбор в пользу социального в трактовке существования человека – каждодневная неосознаваемая и молчаливая борьба субъекта с природой.

Методологические изыскания темы повседневности и ее пограничного характера соответствуют исследованию социального действия витальности, о котором Н. Н. Козлова рассуждает в своей работе: «Теоретическое исследование проблем витальности обществ заставляет обратиться к тем методологиям, которые акцентируют темы социальной

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОВСЕДНЕВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТА И СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

нестабильности и неравновесности, вариативности, поиска альтернативных сценариев, к изучению маргинальности, переходности, временных диссипативных структур, словом, ко всему, что акцентирует плюральность социальной реальности и соответствующих реляционных детерминаций. Предметом исследования становится тогда динамика макро- и микро-социальных форм взаимодействия, включая взаимодействия людей лицом к лицу» [1, с. 102].

Пришедший из новой исторической методологии школы Анналов, структурный подход к изучению «повседневности» позволяет выделить из социально-экономической реальности мир-системы «длительные», почти неизменные структуры питания, одежды, транспорта, топлива и т.д. За счет своей культурно-технической косности эти структуры позволяют дать характеристику глобальному миру, его экономическим основам, позволяют объяснить целое за счет повторяющихся мелких частей. Среди недоработок такого подхода к изучению повседневности можно назвать потерю связи структур повседневности с динамикой социальной реальности и самим субъектом, его восприятием. В этой теории подразумевается все-таки медленное движение к качественному изменению, которое невозможно заметить в рамках десятилетий, иногда даже целого столетия. Статичность структурного подхода вскрывает содержание «повседневности», но при этом умерщвляет этот социальный процесс [2, с. 39].

Эта особенность метода изучения каждодневных структур должна быть преодолена за счет смены уровня с макро- на микро-. «Изменение угла зрения заставляет обратиться к тем сторонам социальной жизни, которым до сих пор в отечественных социально – философских исследованиях не уделялось достаточного внимания: маргинальное социальное бытие, первичные общности, в том числе аффективные, простота / сложность, первичная социальность, динамика "внешнего" (социально, цивилизационного) ограничения / самоконтроля, проблема повседневности и др. Могут, в частности, рассматриваться способы выживания по отношению к "низшим классам", "высшим классам", обществу в целом. Это будут при наличии общих черт – разные картины, составляющие причудливую мозаику. Важно подчеркнуть, что оказывается возможным объединить в теоретическом размышлении об обществе "трепет жизни" отдельного, живого человека и изменения общества в целом» [1, с. 103].

Переход на микроуровень подразумевает также и подход к изучению «повседневного опыта» Эрвинга Гоффмана, творчество которого часто относится исследователями к социальному интеракционизму. Приближаясь к «повседневности» на уровне каждого дня, на уровне каждого субъекта, Гоффман предлагает использовать понятие такого микроуровня как «кадр социальной ситуации», или как он его называет – фрейм (успешно использует лингвистический термин). По умолчанию фрейм принимается за элементарную структуру повседневного опыта, в ходе исследования он обнаруживает наложения первичной и последующих систем прочтения, в рамках первичной системы обнаруживается природный и социальный элементы. Фрейм выявляет многоканальность любой социальной ситуации, в том числе и повседневной. И право выбора того или иного канала внутри ситуации, право выбора: выходить или нет из существующей ситуации, и право выбора: каким образом читать происходящее здесь и сейчас – Гоффман оставляет за субъектом социального взаимодействия. Казалось бы, преодоление глобальной потерянности субъекта осуществлено: равные права, статус участника получает каждый в таком социологическом подходе. Однако беспроблемным, аксиоматически безликим остается восприятие самого субъекта, выбор субъекта, свобода выбора. Существование необходимого ряда изначальных допущений в таких исследованиях очередной раз указывает на возможность смены уровня изучения понятия «повседневности», с целью обрести новую глубину в изучаемом предмете и вместе с тем истину (речь о социально-философском анализе). При этом микроуровень, демонстрируемый исследованием Гоффмана, возрождает динамику социальной ситуации, производство «повседневного опыта». Это происходит за счет понятий ключа социальной ситуации, ее переключения, факрикации социальной ситуации, где по умолчанию допускается изначальное знание субъектом алгоритмов первичной системы фреймов, усвоенных в процессе социализации [3, с. 428].

Знание социальных алгоритмов, по которым строится тот или иной фрейм, в рамках феноменологической социологии А. Шюца предусматривается системой релевантностей или «знанием рецептов», которые субъект получает в своей социализирующей «мы-группе». Это позволяет говорить об особенностях процесса социализации, о культуре субъекта и проблеме его восприятия культурного опыта, построенного на чуждых «рецептах».

Вот что пишет об этом А. Шюц: «Удобно было бы начать с исследования того, как культурный образец групповой жизни представлен обыденному сознанию человека, живущего повседневной жизнью в группе среди своих собратьев. Следуя устоявшейся терминологической традиции, мы пользуемся понятием «культурный образец групповой жизни» для обозначения всех тех специфических ценностей, институтов и систем ориентации и контроля (таких как народные обычаи, нравы, законы, привычки, традиции, этикет, манеры поведения), которые, по общему мнению современных социологов, характеризуют – а может быть, даже конституируют – любую социальную группу в тот или иной момент ее исторического существования» [4, с. 534].

Шюц мыслит социальную реальность сквозь призму восприятия субъекта, призму опыта обыденного мышления. Выражая согласие с теоретической позицией Макса Вебера, Шюц обосновывает необходимость осмысления обыденной ситуации пониманием. Что, в свою очередь связывается с мотивационной стороной восприятия и деятельности субъекта. Вопросы, которые задаются здесь, обращены к психологии субъекта, к выявлению смысла обращенности субъекта к категории Другого. Интенция существует от субъекта к Другому, в котором субъект обретает себя, высказывает себя, воспринимает себя. Выяснение причин научного обращения к изучению «повседневности» ставит под вопрос значимость ее содержания для субъекта, его «присутствия» здесь и сейчас. Это то единственное, в чем М. Хайдеггер и видел социально-онтологическую значимость повседневного. Пограничный характер повседневности проявляется и в том, что субъект никогда не дан сам себе открыто как любой другой внешний ему феномен, и одновременно каждый субъект – это есть граница собственного восприятия, его основа. «Проблема экзистенциальной модальности социального соприкасается здесь со всеми проблемами трансцендентности. Идет ли речь о моем теле, естественном мире, прошлом, рождении или смерти, вопрос всегда будет состоять в том, каким образом я открываюсь феноменам, которые превосходят меня и которые тем не менее существуют только в той мере, в какой я их подхватываю и ими живу, как данное мне присутствие меня самого, которое меня определяет и обуславливает любое постороннее присутствие, оказывается в то же время де-презентацией и выбрасывает меня за пределы меня самого» [3, с. 463].

М. Мерло-Понти также указывает на опасность потери первичного природного прочтения тела человека при переходе на микроуровень социального исследования повседневных практик, повседневности как способа взаимодействия субъекта и социальной реальности. И это, прежде всего, связано с потерей природного феноменологического тела субъекта. Прежде всего, это связано со смещением акцента восприятия самого субъектом в сторону социальности. Это аргументируется положением Другого в восприятии субъекта самого себя: «Очевидность другого оказывается возможной, поскольку я не являюсь прозрачным для себя самого, поскольку моя субъективность не расстается со своим телом» [3, с. 450]. Однако субъективность Другого также привязана к физикалистскому фрейму, что подчеркивает текучий характер самопрезентации субъекта в мир и его самовосприятия: «В действительности другой не заключен в моей перспективе, поскольку сама эта перспектива не имеет определенных границ, поскольку она пересекается перспективой другого поскольку обе они сходятся вместе в одном и том же мире, в котором все мы принимаем участие как анонимные субъекты восприятия» [3, с. 451]. Это не только проблематизирует положение субъекта в процессе взаимодействия с социальной реальностью, но и усложняет научное восприятие повседневности, по той причине, что происходит оно от первого лица.

Из всего получаемого личного опыта повседневным можно определить тот, что неразрывно связан с «реальностью происходящего», тот, что доказывает эту «реальность». Каждый пытается выжить, но каждый делает это по-своему. Опыт, порождаемый восприятием, дает субъекту социальную возможность читать происходящее определенным образом. Нельзя с объективной точностью утверждать, осознается ли такой повседневный опыт, и какой из известных рецептов становится той самой «черепашкой», на которой держится жизненный мир субъекта. Но однозначно можно утверждать, что при нарушении такого рецепта, его потере, в том случае, когда он «вдруг» перестает работать – восприятие происходящего как реального также исчезает. Это приводит к новой подмене рецепта, к изменению существующего рецепта. Здесь вряд ли можно разбить подобный процесс во времени и сказать о его сознательном осуществлении.

Реальность происходящего и повседневный опыт – слиты воедино. «Повседневность»

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОВСЕДНЕВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТА И СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

по сути своей – это реальность, существующая в восприятии субъекта и характеризующаяся его личным набором алгоритмов, полученных в процессе социализации (как индивидуальной, так и исторической), направленных на поведение в социальной ситуации. «Повседневность» представляет собой процесс означивания совокупности пространственных и временных характеристик наличного бытия субъекта. Цель этого процесса – сделать происходящее вокруг воспринимаемым как реальное.

Однако взгляд на историческую динамику социальной реальности выхватывает следующую тенденцию. Субъект ведет себя определенным образом, рассчитывая на реальность последствий происходящего, основой его мотивации служат ожидания (или система верований). Этот процесс усложняется по мере накопления личного опыта каждого (исторически в рамках социума) вместе с наслоениями социальной реальности. И постепенно рецепт выживания становится важнее, чем то, что он дает. Это делает возможным подмену основы повседневного опыта иными аксиомами цивилизации. Направленность меняется от личного восприятия «что делает меня реальным и таким же реальным происходящее вокруг» на «какого качества это происходящее вокруг» (делает ли счастливым, приносит ли успех, доставляет ли удовольствие).

«Повседневность» – социальное понятие, связанное, в том числе, с абстрактным мышлением, с уровнем абстрактного мышления. Стремление науки к объективности такого мышления, что является основой структуралистского подхода, преграждает возможность усмотреть самого субъекта в отношениях с социальной реальностью. Исследующая наука должна учитывать, что восприятие субъекта презентует его и как воспринимающего естественное и социальное, так и делающего естественное и социальное таковыми. Природное прочтение реальности происходящего становится недостаточным, да и недостижимым в динамике социальной реальности. И, что немало удивляет в этом процессе, при утрате рецепта, при его дискредитации субъектом, но и при наличии природных (буквальных) условий выживания, реальность происходящего ставится под сомнение, жизнь обесценивается. Именно поэтому исследование повседневности необходимо должно подразумевать нечто таящееся и гораздо большее по смыслу, чем те определители повседневных практик, как то: восприятие субъекта, тело субъекта, вещь, Другой. Расщепление субъек-

та на такие определители грозит утратой самого субъекта.

Так, физикалистский фрейм сегодня не подтверждает существование себя каждый день, то есть для взаимодействия субъекта и социальной реальности даже на первичном уровне повседневности его становится недостаточно. Любая ситуация в рамках жизненного мира субъекта – социальна, таким же образом она и прочитывается.

Таким образом, «повседневность» предстает социальной формообразующей оболочкой субъекта. Основной характеристикой этой оболочки является ее пограничность. С одной стороны, повседневный опыт — это личный способ присутствия каждого в наличном бытии, он дает подтверждение реальности всего происходящего вокруг субъекта и подтверждение существования самого субъекта. Происходит это на каждодневном уровне, часто это можно назвать неосознаваемым, полуавтоматическим поведением, основанным на социальном знании алгоритмов ситуации, так называемом «знании рецептов». С другой стороны, эта простота и онтологическая значимость «повседневности» в жизни каждого не дает возможности покинуть эту границу между центром, глубинными слоями личности субъекта и социальным миром. Это замыкает динамичность повседневной границы на самой себе. Движение, постоянное подтверждение того, что субъект существует за счет воспроизведения простейших действий и участия в первичных социальных ситуациях, а также возникающее сомнение при нарушении ожидаемого алгоритма социальной ситуации, смена рецептов происходит в рамках повседневного опыта. Эта пограничная оболочка «повседневности», с которой взаимно друг для друга начинаются субъект и социальная реальность, часто является единственным, что отделяет субъект и социальный мир и связывает их друг с другом. Исторический контекст осмысления функции «повседневности» демонстрирует «точку невозврата»: человек сегодня уже не в силах восстановить нарушимость и цельность личности, то есть доверить свое существование социальной реальности и исключить природное происхождение самого себя (как это фантастически описывается в романе М. Уэльбека «Возможность острова»). Но и не в силах восстановить изначальное природное ядро содержания своего существования, субъект «далеко зашел» в деле становления цивилизации. Жизнь его направлена на поддержание той самой оболочки его субъекта, на поддержание собственного присутствия в мире, главным образом, условий восприятия

его присутствия. То есть это эволюционная ловушка, и по ней можно провести вектор движения человечества.

Таким образом, возникшая как описательное понятие «повседневного», «повседневность» исторически обретает свою самостоятельность и является сегодня полноценным научным предметом. К изучению этого предмета обращаются социальные и гуманитарные науки.

Социально-философский анализ строится на достижениях исследований «повседневности» историей и социологией и по-своему выстраивает ее теорию. «Повседневность» связана с восприятием субъекта, с его включенностью в происходящее, с запросами и ожиданиями субъекта. Также «повседневность», являясь реальностью в восприятии человека, связана с социальным знанием алгоритмов ситуаций. Это объясняет динамичность производства повседневного опыта. Также повседневность обнаруживается на стыке существования субъекта и социальной реальности, выступает способом их взаимодействия и в то же время пограничной оболочкой. И в то же время, исследование повседневности как вспомогательная тема позволяет осмыслить принципы человеческого социального существования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козлова, Н. Н. Витальность как социально-философская проблема // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 2. – С.95–106.
2. Бродель, Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVII вв. – Москва: Прогресс. – 1986. – 624 с.
3. Гоффман, Э. Анализ фреймов: (Эссе об организации повседневного опыта). – Москва: Институт социологии РАН Институт фонда «Общественное мнение». – 2003. – 753 с.
4. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). – 2004. – 1056 с.
5. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия. – Санкт-Петербург: Ювента, Наука. – 1999. – 609 с.

Фаненштиль Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры «Философия и социология»

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова» (АлтГТУ), г. Барнаул